

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ФЕНОМЕНЕ И.П. ИВАНОВА (к 80-летию со дня рождения)

Р.В. СОКОЛОВ

Известно, что греческое слово *apologia* переводится как защита кого-либо или чего-либо, заступничество, восхваление. Нуждался ли при жизни и нуждается ли сейчас И.П. Иванов и разработанная им педагогическая система (называемая ещё методикой И.П. Иванова, коммунарской методикой, педагогикой общей заботы) в защите и восхвалении?

Что касается восхваления, то И.П. Иванов был человеком скромным и даже для ребят в сводной пионерской Фрунзенской коммуне сочинил «закон», в котором были такие слова:

Только слабый ищет славы,
Только слабый ждёт награды,
Обойдутся коммунары
Без почёта, без награды.

Вроде бы не нуждался И.П. Иванов и в защитниках. Более того, при жизни его многие считали незаурядным борцом, а кто-то даже и задирой. Вспомним, чему он учил детей в Коммуне юных фрунзенцев, сочинёнными им «законами» и «девизами»:

Дряни любой – давай бой!

Своими руками, своими ногами, своей головой!

Позже (в студенческой Коммуне им. А.С. Макаренко) этот «закон» был назван Ивановым «законом борьбы». И был конкретизирован:

Формализму – бой!
Эгоизму – бой!
Равнодушию – бой!
Скуке – бой!
Показухе – бой!

И с отчаянной для тех лет смелостью указывалось, что «формалист и бюрократ – самый ядовитый гад!». Давалось странное для того времени предупреждение: «Завтрашняя радость – не покой, а бой!». Имелся и призыв, свойственный для времён Гражданской войны, но слишком уж настораживавший «формалистов и бюрократов»: «Смело и бодро вперёд! Победа во что бы то ни стало!».

А чему учил чуть позже И.П. Иванов студентов в ЛГПИ им. А.И. Герцена? «Огнём Макаренко пылать, штурмуя небо – не пищать!». Редко кто в те годы решался предлагать воспитанникам (школьникам и студентам) такие задиристые «девизы». Да ещё назвать один из них «законом борьбы».

Ну, чуть ли не «борьбист» (термин, предложенный актёром Р. Быковым для обозначения людей, для которых любимое занятие – бороться с кем-нибудь, для которых процесс борьбы и есть жизненное счастье).

И.П. Иванов прожил жизнь, некоторым событиям и итогам которой могли бы позавидовать многие. Имел университетское философское образование, семью, детей. При жизни издавались его книги, был не просто признан педагогической наукой, а защитил свои идеи в утверждённой ВАКом докторской диссертации. Был избран действительным членом той самой академии образования, против которой всю жизнь боролся.

Будучи профессором в ЛГПИ им. А.И. Герцена, имел много учеников и многочислен-

ный студенческий «неформальный коллектив» (Коммуну имени А.С. Макаренко). Был лидером макаренковской секции в городском отделении Педагогического общества. Везде имел множество друзей, сподвижников и продолжателей.

После ухода И.П. Иванова из жизни надо ли его защищать? На первый взгляд может показаться, что этого не требуется. В самом деле, сочетание слов «коммунарская методика» давно уже ассоциируется у педагогов не с именем почитаемого И.П. Ивановым А.С. Макаренко, а с именем самого И.П. Иванова.

Известный публицист и писатель С.Л. Соловейчик писал и о Макаренко, и об И.П. Иванове, но об Иванове много больше. Даже как-то написал, что коммунарской методике «альтернативы нет». Против А.С. Макаренко, которого И.П. Иванов чтит и пропагандировал (даже создал Макаренковский мемориальный центр), в последние годы появилась масса пaskвильных публикаций, а И.П. Иванов оказался в этом отношении практически в «неприкосновенности». (Если не считать хулиганствующего в Интернете и всем там осточертевшего бывшего «весёлого водопроводчика», а теперь уже 70-летнего «наступательного атеиста», избравшего себе на старости в качестве мишени ещё и И.П. Иванова).

Ученики и последователи И.П. Иванова проводят большие конференции и съезды, издают и переиздают и его книги, и книги о нём. О нём и «коммунарской методике» есть статья в Российской педагогической энциклопедии (РПЭ) 1993 г.

Что имелось в виду, когда говорилось о «коммунарской методике»?

Последователь И.П. Иванова и пропагандист коммунарской методики, кандидат педагогических наук О.С. Газман определил коммунарскую методику в РПЭ следующим образом: «Коммунарская методика – система условий, методов, приёмов и организационных форм воспитания, обеспечивающая формирование и творческое развитие коллектива взрослых и детей на принципах гуманизма».

Однако в защите всё-таки нуждались и сам И.П. Иванов, и разрабатываемая им методика. Нуждались в апологии при жизни, нуждаются и теперь.

От кого при жизни? Ну, например, от своих же сподвижников. Именно соратникам по «ревкому» (совету старших друзей Коммуны юных фрунзенцев) он «обязан» своим уходом из Коммуны и (фактически) «отлучением» на многие годы от «коммунарского движения», которое сам же и породил. К сожалению, коммунарское движение в пору его наиболее интенсивного распространения по стране (в первой половине 60-х годов) оказалось без своего «зачинателя», без «главного автора» коммунарской методики. И фактически без главного идеолога. С 1962 года (т.е. с самого начала распространения «коммунарства» через Всероссийский лагерь «Орлёнок») это распространение носило характер детской игры в «испорченный телефон». Старшеклассники, подобно христианским апостолам, несли «в массы» коммунарство в том виде, в каком его видели, и в меру своего понимания. А ведь ещё Гегель заметил, что «голова, не освещённая мыслью, не видит факта».

Какой мысли И.П. Иванова больше всего не хватало «неофитам коммунарства»? Думается, мысли о заботе, о жизни «на пользу и радость окружающим людям». И среди массы напрасных обвинений в адрес клубов юных коммунаров в том, что они «замыкаются», «уходят от жизни» сами и «уводят» других, были иной раз (увы!) и справедливые упреки.

А разве не нужно было защищать И.П. Иванова и его дело от журналистов? Даже журналист и писатель С.Л. Соловейчик, больше других и на протяжении многих лет пропагандировавший И.П. Иванова в многочисленных газетных статьях и книгах, будучи составителем книги «Фрунзенская коммуна», «написанной самими ребятами», присочинил легенду об уходе И.П. Иванова из КЮФа, в которой оказывалось, что он неисправимый авторитар, пытавшийся диктовать ребятам свою волю, за что те его и вынудили покинуть свой коллектив. А потом

С.Л. Соловейчик писал, что Иванов будто бы дважды... предал детей. И это в то время, когда предательство действительно имело место, только предавал не он, а предавали его (к счастью, не дети, а только взрослые, если это можно считать счастьем).

И самое удивительное, что И.П. Иванов неоднократно прощал своих предателей и хулителей, в том числе и С.Л. Соловейчика. Стоило им лишь снова позвать его на помощь. В нашем киноархиве есть кинокадры, на которых Ф.Я. Шапиро смотрит влюблёнными глазами на И.П. Иванова. Это через несколько лет после того, как первый раз организовала жестокое «отлучение» И.П. Иванова от его любимого детища – от Фрунзенской коммуны и за несколько лет до повторного «отлучения». Отлучения от коллектива 308-й школы Ленинграда.

Смотришь на экран, вглядываешься в глаза Иванова и вспоминаешь слова песни про Дон-Кихота:

И знает он, что испокон веков

На благородстве ловят чудаков.

Он прощал не от чудачества, а оттого, что ему дороже всяких личных амбиций было дело, которому он служил. И если он видел, что предатели снова «поворачиваются» к нему, что готовы опять вместе с ним поработать на его дело, что просят его о помощи и сотрудничестве (в их новом социальном эксперименте), то он снова и снова брался помогать. Осуществлял научное консультирование. Щедро делился (со своими бывшими сподвижниками, ставшими врагами, а потом снова сотрудниками) своим пониманием того, что происходит у них в эксперименте, как решить те или иные проблемы. С журналистами делился пониманием того, что и как лучше бы осветить в их публицистике (по поводу его идей, его опыта и их дальнейшего развития).

Всё это заставляет задуматься: а можно ли понять «коммунарскую методичку», если не знать, что её автор был таким «чудаком»? И возможно ли было бы её появление и появление коммунарского движения, если бы её автор был обыкновенным человеком?

А от коллег по пединституту его не надо было защищать? Например, когда М.Г. Казакина, приготовившись защищать диссертацию (по проблеме формирования нравственных идеалов в Коммуне юных фрунзенцев), «забыла» назвать И.П. Иванова, его старому сподвижнику Л.Г. Борисовой пришлось (буквально накануне защиты М.Г. Казакиной) срочной телеграммой в институт «напоминать» об инициаторе и создателе Коммуны И.П. Иванове. На этот раз удалось заступиться, и справедливость восторжествовала – имя И.П. Иванова было названо на защите. Справедливости ради надо сказать, что в научных работах М.Г. Казакиной много интересного относительно коммунарской методички. Только вот всё-таки «главный автор» коммунарской методички – И.П. Иванов.

А когда человека с больным сердцем, которому было просто вредно носить обычный галстук, ректор института на крупном заседании прилюдно выругал, как мальчишку, за то, что И.П. Иванов явился в научное собрание одетым не по форме, заступиться было некому. К счастью, в тот раз сердце выдержало...

А кто представил И.П. Иванова к избранию в академики? Ленинградские педагоги? Отнюдь.

Новосибирские социологи (во главе с Л.Г. Борисовой). Оказалось, что и для этого И.П. Иванову нужны были заступники.

Ну, а после его ухода из жизни?

Кто защитит И.П. Иванова от редакторской правки текстов его книг? От тех, кто считает, что «коммунистическая терминология» у И.П. Иванова – «идеологическая мимикрия». Вместо слова «октябрёнок» теперь пишут «ребёнок», вместо «пионер» – «подросток». А для Иванова такая терминология была вовсе не «данью времени», не «идеологическим камуфляжем», поскольку он был убеждённым марксистом-ленинцем, убеждённым коммунистом. Он с нетерпением ждал приближения коммунизма и всячески стремился приблизить его наступление. Можно сожалеть о его увлечённости, его исторической (как ока-

залось) «недальновидности». Но он был такой. И таким он породил КЮФ и КиМ. Без этого не понять его «коммунарства». Нельзя выбрасывать слова из его песни в угоду политической «злобе дня». И не удивительно, что кое-кто из читателей таких «адаптированных под современность» текстов И.П. Иванова «идут дальше» и заменяют слово «коммуна» словом «семья», слово «комиссар» словом «отец»...

А если категорию «заботы» (заботы об улучшении окружающей жизни) «забыть», если «отставить» идею бескорыстного служения людям, или «окружающую жизнь» трактовать как жизнь микрогруппы, окружающей индивида? То оказывается, что коммунарская методика из методики, воспитывающей альтруизм и коллективизм в макаренковском понимании, легко превращается в средство воспитания корпоративизма, группового эгоизма, а после нескольких таких «мутаций» начинает превращаться в «методику воспитания мафиози». Недаром «коммунарскую методику» И.П. Иванова всё чаще и чаще называют педагогией общей заботы.

И, думается, из разных названий, которые «присваивались» учению И.П. Иванова, это самое лучшее, отражающее, как отметила сподвижница и пропагандистка его наследия Н.П. Царёва, сущностное понимание этого явления. Но честнее и правильнее было бы называть её «коммунарской педагогией общей заботы».

Конечно, если мы теперь (опираясь на ранее неизвестные факты из жизни А.С. Макаренко и его тексты) можем говорить о «православных корнях» и «православной культуре» автора «Педагогической поэмы», то можем ли мы утверждать, что в «коммунарской педагогике общей заботы» И.П. Иванова «ничего такого» никогда не было? Забота о ближних, если и не совсем «общечеловеческая ценность», то и не такая уж редкая (по крайней мере, для поколения, к которому принадлежал И.П. Иванов). Не случайно «наступательный атеист» З.Ш. Тененбойм направляет свои стрелы на автора коммунарской методики общей заботы...

Но есть и другая сторона проблемы. Когда-то, лет 15–30 назад, надо было «методику Иванова» защищать от педагогов, которые «не пускали её в школу», а теперь – (всё чаще) от учителей, которые нередко навязывают ученикам «коллективные творческие дела» (как когда-то навязывали «комсомольские мероприятия»). А ещё – от педагогов, которые переименовали свои обычные мероприятия в «коллективные творческие дела».

Среди критических оценок коммунарской методики, опубликованных в научных изданиях, самым серьёзным представляется оценка А.М. Сидоркина, содержащаяся в сборнике «Коммунарская методика как феномен педагогической действительности» (материалы заседания научного совета «Проблемы интеграции психолого-педагогической науки и школьной практики»), изданном в Костроме в 1989 году.

У А.М. Сидоркина две серьёзные «претензии» к коммунарству.

Первая претензия. По мнению А.М. Сидоркина, «коммунарское движение – это некоторая замкнутость, отдалённость от текущей жизни школы, внешкольных учреждений. Это, если можно так выразиться, внутренняя эмиграция, а цель движения в изменении окружающей среды».

На это замечание можно ответить следующим образом. Исследование истории коммунарского движения показывает, что такое действительно было, но в период, когда всё «коммунарское», мягко говоря, «не поддерживалось» официальным комсомолом, системой образования. А вот в периоды, когда поддержка была, например, в 1962–1963 гг. (тогда была поддержка со стороны ЦК ВЛКСМ) и в последние годы, когда «верхи» просто «не мешали», коммунары проявляли не «отдалённость» и «внутреннюю эмиграцию», а, напротив, нечто, что можно назвать даже «экспансией». Таким образом, то, за что критиковал А.М. Сидоркин, было не виной коммунарской методики и коммунарского движения, а бедой.

Вторая (и более серьёзная) претензия А.М. Сидоркина. По его мнению, комму-

нарское движение является шагом назад по сравнению с опытом макаренковских коммун. «Представляется необходимым ввести в коммунарскую методику идеи хозяйственного расчёта». Подобная критика, связанная с отсутствием в коммунарской методике и практике производительного труда (в качестве основы, как это было в опыте А.С. Макаренко), появилась значительно раньше. Во всяком случае, этот вопрос обсуждался на слёте Коммунарского макаренковского содружества на родине А.С. Макаренко, в г. Белополье, летом 1973 г. Одним из ярких выразителей подобного критического отношения к коммунарской методике и коммунарскому движению был командир калужского «Экспериментального педагогического отряда студентов и старшеклассников» (ЭПОСС), некоторое время руководивший секцией по изучению наследия А.С. Макаренко в Калуге С.Г. Икрянников, который много лет высказывал свою критику и в 1983 году прислал нам «в порядке дискуссии» текст этой критики, содержащийся в его отклике на статью С.Л. Соловейчика «Волшебные башмаки» о методике И.П. Иванова, опубликованную в «Литературной газете» 12 июля 1983 г.

С.Г. Икрянников писал:

«Свою методику «коллективной организаторской деятельности» И.П. Иванов избрал в ответ на социальный заказ партии по усилению общественной активности после разоблачения культа личности Сталина в 1956 году. Заметим, что в то же время начался очередной круг «политехнизации школы», с которыми методика И.П. Иванова никак не связывалась. Философское кредо И.П. Иванова – вырванная из контекста цитата В.И. Ленина: «Основанием русской школы должна сделаться не труд-работа, а труд-забота», – и вся методика коллективных творческих дел, вся эта игра в демократию по форме представляет собой заботу.

Прочитаем Ленина шире: «Русская трудовая школа должна совершенно заново перестроиться, так как в настоящее время она по идее буржуазна. Основанием русской народной школы должна сделаться не труд-работа, а труд-забота. Только органи-

зация школы как хозяйства делает её социалистической».

То есть у Ленина речь идёт конкретно о школе с производительным трудом и социалистическими производственными отношениями в этом труде.

...Поскольку в нынешней школе эта демократия отвлекает от главного вида человеческих отношений – производственных, методика Иванова вредна, и это сейчас перевешивает. Соедини её органически со школой-хозяйством, с индустриально-трудоу школой – она тут же, за исключением мелочей, сведётся к макаренковской. Методика И.П. Иванова, на наш взгляд, – извращённое применение макаренковского к нетрудовой школе. И никаких открытий.

Выпишу из статьи Соловейчика: «Макаренко открыл, что дети могут свободно развиваться и чувствовать себя защищёнными лишь в том случае, если удастся создать коллектив, иначе – бурса.

Иванов открыл, что коллектив только тогда даёт детям возможность свободно развиваться, когда это коллектив творческий, вроде научной лаборатории в пору её расцвета, и показал, как обучать детей общественному творчеству».

Некорректное это заключение. С точки зрения А.С. Макаренко, «коллектив – это свободная группа трудящихся, объединённых, единой целью, единым действием, организованная, снабжённая органами управления, дисциплины и ответственности, коллектив – это социальный организм в здоровом человеческом обществе».

У Иванова на практике коллектив – это потребительская группа, в частности, она потребляет и интригующую форму коллективной демократии.

Коэффициент полезного действия Макаренко и Иванова несравним. Коллектив + производство у Макаренко давали высочайшую жизненную закалку. Наши современники, хлебнувшие Ивановской методики, вступают в острые конфликты в жизни и чаще всего терпят поражение, впадают в депрессию. Для подавляющего большинства коммунарство остаётся светлым

воспоминанием и никак не пригождается в жизни».

...Смущает, злит привязка «Волшебных башмаков» к реформе школы.

У С.Г. Икрянникова мы видим более развёрнуто ту же критику, что и у А.М. Сидоркина. Правда, он кроме отсутствия опоры на производительный труд в коммунарской методике критикует ещё и коммунарский коллектив, противопоставляя его макаренковскому. У Макаренко коллективы были производственные, а у коммунаров – потребительские. И делает вывод, что у Макаренко воспитанники были «закалёнными», а воспитанники коммунарских объединений «терпят поражение».

И должен признаться, что в этом вопросе апологетом коммунарской методики и коммунарского движения мне быть трудно, ибо я и сам прошёл много лет назад через подобные разочарования в коммунарском движении и сам неоднократно выступал устно с подобной критикой.

Но теперь я бы в защиту И.П. Иванова, его коммунарской методики и коммунарского движения сказал следующее.

Здесь, как и в первом вопросе, речь идёт не о вине коммунаров, а об их беде.

Дело в том, что уже в 30-е годы в стране «с подачи психологов» возобладало представление, что у школьников ведущий вид деятельности – учёба. Она готовит к труду. Но труд должен быть после школы. Труд детей был запрещён законом. Что мог сделать И.П. Иванов в этой ситуации? Известный в 80-е и в 90-е годы педагог-новатор Б.П. Никитин в молодости пытался с друзьями повторить опыт А.С. Макаренко и создать детскую трудовую коммуну. Но ему не дали этого сделать.

И И.П. Иванов совершает чудо. Он истолковывает ленинскую формулу «Труд-забота» шире и изобретает нечто, названное им «коллективным творческим делом», что не является производительным трудом в смысле производства материальных ценностей, но является таковым в смысле производства духовных ценностей и главное – производства самого человека.

То, что «творчество» детей в их КТД является тем, что клубоведы назвали «цеховым творчеством» (самодеятельным, для употребления в своём коллективе) было не существенно. Главное, что это был труд самодеятельный, а не отчуждённый. Можно даже сказать, что этот труд для коммунаров 60-х годов был более формирующим и воспитывающим, нежели труд действительно производительный многих из коммунаров, кому пришлось идти в сферу производства. Поскольку на производстве был не самодеятельный «труд-забота», а самый что ни на есть «отчуждённый труд». Он только назывался социалистическим.

Другое дело, что «закалка» действительно у коммунаров 60-х оказалась хуже, нежели, чем у макаренковских коммунаров. Но это, опять же, не вина коммунаров 60-х, а их беда.

И.П. Иванова нужно не винить за то, что он якобы проигнорировал производительный труд, не включив его в свою педагогическую систему, а наоборот, хвалить за то, что благодаря Иванову сперва Коммуна юных фрунзенцев, а за ней и другие объединения (в том числе и созданные в школах), стали проводить «трудовые десанты» и даже «лагеря труда и отдыха» с самым настоящим сельскохозяйственным трудом. Так, например, в школе № 6 г. Горького педагог С.Т. Сейфи более 25 лет подряд проводила выезды летнего загородного коммунарского трудового лагеря «Юность».

Но, может быть, заслуга И.П. Иванова не в том, что он «в троянском коне» «трудовых десантов» и коммунарских трудовых лагерей «протащил» производительный труд в обход законодательства, а в том, что он придумал способ, как приохотить к труду (пусть даже в форме «коллективных творческих дел»), которые с точки зрения С.Г. Икрянникова скорее не дела, а тем более не производительный труд, а игры и забавы.

Он придумал то, что для человечества, может быть, не менее значимо, чем изобретение компьютеров и вечного двигателя. Он показал, как можно «заставить» одних

людей заниматься активной деятельностью «на пользу и радость другим людям». Я уже писал в своих статьях, что идеология марксизма умела «заставить» людей трудиться (а иногда и организовать этот труд), когда производительный труд является для них необходимостью. Вспомним макаренковское «нужда – отличный воспитатель».

Но они плохо понимали как «заставить» людей действовать в условиях отсутствия необходимости в труде. А И. П. Иванов придумал, как это сделать. Да, его методика пока может быть по достоинству оценена только в нескольких сравнительно узких «сферах». В «сфере досуга» (в «оздоровительных лагерях», в «клубных учреждениях» и «клубных объединениях», в домах отдыха), в некоторых лечебно-оздоровительных учреждениях (санаториях, больницах). Ну и, конечно, во внеклассной работе школ.

Пока массовое поголовное безделье и избыточная сытость человечеству не грозят. И востребованность «коммунарской методики», соответственно, будет ещё долго весьма небольшой. И «закалка», полученная с её применением, при выходе воспитанника из «царства свободы» в «царство необходимости» тоже будет минимальной.

Не следует забывать, что И. П. Иванов в конце 50-х годов верил в то, что через 20 лет наступит коммунизм, т.е. то самое «царство свободы». Свободы от необходимости, от необходимости в обязательном, принудительном, в том числе производительном труде. И к этому «царству свободы», где можно будет осуществлять «свободную игру духовных и физических сил», он и готовил подрастающее поколение.

И уж если его в чём обвинять, то в том, что он верил в неизбежное и скорое наступление коммунизма, что стремился деятельно приближать то, во что верил. И, хотя я сам со школьной скамьи уже не верил в это (но мне очень хотелось ошибиться в своём неверии в наступление коммунизма) и даже пытался (совершенно безрезультатно) И. П. Иванова поколебать в его оптимистической вере, я тем не менее могу его в этом жалеть (а эта его вера весьма и весьма

усугубила трагизм его положения, когда он оказался парализованным и когда в стране сменился общественный строй), но не могу его осуждать. Можно сожалеть, что, будучи философом, он не смог выработать реалистического прогноза относительно общественного строя, к которому движется страна, но нельзя его осуждать за единство веры и слова, за единство слова и дела. Это был, безусловно, очень честный и добросовестный человек. Думается, из тех, кого иногда причисляют к лику святых.

Должен сказать, что в этой своей апологии я несколько увлёкся и затронул больше аспектов, нежели планировал. И уже начал, было, разговор, который может вывести на тему защиты И. П. Иванова от него самого. Но это уже вопрос о внутренних противоречиях И. П. Иванова как личности, о противоречиях в его практической педагогической и общественно-политической деятельности, о противоречиях в его научном наследии. О противоречиях между тем, кем он мог бы стать (по логике своего развития) и тем, кем ему стать было отпущено судьбой. То же самое можно было бы рассмотреть и относительно коммунарской методики (в интерпретациях самого Иванова в разные годы его творчества) и относительно коммунарского движения (и тоже в его динамике).

Но это столь сложные вопросы, столь ёмкие, что их вряд ли можно касаться в небольшой статье. Ну а поскольку пока мы не видим тех, кто за это упрекал бы И. П. Иванова, то и с апологией на этот счёт можно не спешить.

Тем более что эта апология может перейти в критику (с позиций того, что появилось в «посткоммунарском движении»). А научное сообщество, занимающееся социокинетикой, по нашим наблюдениям, до сих пор не «переварило» ещё как следует методических систем и выросших из них массовых субкультурных явлений – «скаутинга» («скаутизма»), «пионеринга» («пионерства»), «коммунаринга» («коммунарства»). Всеми своё время...

Заметим только, что «педагогика общей заботы» (в её широком понимании) нача-

лась не с педагогики И.П. Иванова (у неё была большая предыстория) и, к счастью, не ею закончилась (у неё есть, как сказал бы сам И.П. Иванов, «последствие»). Но, создав «коммунарскую методику», И.П. Иванов достойно принял и пронёс «эстафету» в «команде» энтузиастов «педагогики общей заботы». Он в социокультурной ситуации середины двадцатого века сумел вписать в эту педагогику (и вообще в историю педагогики) яркую страницу. А коммунарское движение внесло в «копилку» пе-

дагогического опыта очень много ценного. И наследием этим потомкам можно и нужно пользоваться.

На этом оптимистическом тезисе эту апологию можно пока и закончить. Сказанное на этих страницах действительно лишь тезисы. Надеемся, что они послужат основой для книги «Апологетика». Если была апологетика у христианства, то почему бы не быть апологетики и у коммунарства? Полагаю, что необходимость создавать её наступила уже давно.